

УДК 82

ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕСТИ «КНЯЖНА МЕРИ» (ПО РОМАНУ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

© 2009 г.

С.С. Николаичева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

svetlananikolaicheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.04.2009

Рассматриваются графические особенности дневника Печорина, своеобразие включения М.Ю. Лермонтовым графических знаков в повесть «Княжна Мери», функции и роль курсива, многоточий, отточий, отчерка.

Ключевые слова: Лермонтов, Печорин, графические особенности, курсив, многоточия, отточия, отчерк.

Крупнейший теоретик и авторитет в вопросах пунктуации А.Б. Шапиро указывает, что у таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Толстой и др., знаки препинания фиксируют лишь сложные и особые места, а в остальных, «обыкновенных» случаях наблюдается небрежное к ним отношение [5, с. 40]. Существующие комментарии к роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» не дают полного представления о некоторых графических особенностях этого произведения. К графическим особенностям отнесём игру со шрифтом (курсив), паузы, умолчания, пропуски, обозначенные в тексте многоточиями, отточиями и отчерком. В первую очередь это касается повести «Княжна Мери». «Княжна Мери» является ключом к пониманию характера главного героя – Печорина, поскольку представляет собой дневник и исповедальный характер здесь выражен ярче, чем в других повестях, относящихся к «Журналу Печорина».

Текст «Героя нашего времени» имеет «единый, внутренне выдержанный авторский пунктирный слой курсива» [1, с. 40]. Слова, выделенные курсивом, появляются и в рассказе странствующего писателя, и в повествовании Максима Максимыча, и в «Журнале Печорина» (нет их только в предисловиях). Смена шрифта – знаковая авторская пауза, когда слово наделяется новыми смыслами благодаря графическому оформлению. Исследование подобного явления оправдано психологической установкой автора романа.

Приступая к разговору о курсиве, следует отметить, что в конце XVIII и в XIX вв. многие русские писатели и поэты курсивом оформляли «чужое слово» (цитату), то есть курсив заменял

кавычки [4, с. 62]. И выделение «чужого слова» подобным способом отмечается практически у всех писателей. Однако большая семантическая нагрузка падает на курсив независимо от этой его функции.

В дневнике Печорина курсива не так много, но каждый выделенный элемент имеет своё объяснение, истолкование и тем или иным образом «намекает» на определённые события и изменения в судьбе героя. Объём выделенных курсивом синтаксических конструкций у М.Ю. Лермонтова – от слова до словосочетания и предложения (в отличие от других авторов: например, А.П. Чехов кроме слов, словосочетаний и предложений выделял таким способом отдельные буквы, морфемы).

Первый случай подобного оформления текста – это «водяная молодёжь». Свидетельства мемуаристов подтверждают точность лермонтовской характеристики «водяного общества». В то время съезды на кавказские воды были многочисленны, со всех концов России собирались больные к источникам в надежде на исцеление. И, безусловно, данное понятие напрямую связано с жизнью героя. Ведь выражение «водяное общество» употребляется как эквивалент словосочетания «светское общество», а именно свет и воспитал Печорина. Значит, в данном выражении один смысл наслаивается на другой, определённым образом «утяжеляя» исходное значение.

Анализируя поведение Грушницкого, Печорин пишет следующее: «Надо заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря об женщине, с которой они едва знакомы, называют её *моя Мери, моя Sophie*, если она имела счастье им понравиться». Итак, имя Мери ста-

новится знаковым. Выражение Грушницкого и его стилистика включены в размышления Печорина. Печорин цитирует Грушницкого, заимствует слова из речи другого персонажа – таким образом «внутренняя цитата» [3, с. 82] появляется на страницах дневника главного героя. Далее Печорин добавляет: «У него даже появилось серебряное кольцо с чернью <...> Я стал его рассматривать, и что же? мелкими буквами имя *Мери*». М.Ю. Лермонтов, используя курсив, акцентирует внимание читателя на том лице, которое впоследствии проявит себя в качестве персонажа, участвующего в развитии сюжета.

В записи от 6-го июня мы видим своеобразное решение предыдущих курсивов: «Возвращаясь домой, я заметил, что мне чего-то недостаёт. *Я не видел её! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!*» Это внутренняя речь Печорина, его эмоции, герой, по сути, впервые словесно оформляет то, что только «бродит» в нём. Здесь курсивом выделено целое предложение, но ударение падает главным образом на местоимение.

Должного внимания заслуживает и обозначенное курсивом слово княжны Мери – «*все*». На вопрос Печорина о том, все ли её поклонники «прескучные», она, краснея, но всё-таки решительно отвечает: «*Все!*» Таким образом, курсив здесь указывает не только на «чужую речь», но и на исключительность главного героя, его отличие от всех остальных, интерес к нему княжны Мери. Кроме того, в этом случае применения курсива важно и другое: оба героя понимают, что речь идёт о Грушницком, но не называют его имени.

Смесь «*черкесского с нижегородским*» – переделка вошедшего в поговорку выражения Чацкого, который издевается над «смешением языков французского с нижегородским». Лермонтов здесь имеет в виду форму Нижегородского драгунского полка, которая заимствовала элементы черкесского национального костюма: мохнатую шапку, бурку и пр. Подчёркивается признак провинциализма, вторичности, неисконности, а также и неуместность положения Грушницкого рядом с Мери на прогулке по степи. И поэтому Печорин язвительно описывает свои впечатления от встречи с ними: «... в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в чёрных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь *черкесского с нижегородским*; впереди ехал Грушницкий с княжной Мери». Дальнейшее размышление о женихах тоже не случайно: «Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны – когда же он

ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, потому что *он не жених*. Вот логика матерей!» Снова появляется шаблон, общий глас: «*Он не жених*», который Печорин использует в своей речи. Грушницкий уже не соперник Печорину, но в чём же дело? Что мешает герою сделать предложение Мери? Объяснение разворачивается в последней курсивной записи: «Другой бы на моём месте предложил княжне: своё сердце и свою судьбу, но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться – прости любовь! <...> Когда я был ещё ребёнком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне *смерть от злой жены*...».

Таким образом, курсив вводит в текст некоторые нюансы, помогает создать его психологическую глубину, помогает читателю понять, самостоятельно осмыслить и домыслить прочитанное.

Кроме этого, в «Княжне Мери» курсив маркирует разного рода названия и имя собственное [2, с. 7]. Название скалы – «*Кольцо*», название оврага – «*балка*», сторожевые посты – «*вышки*» (с начала XIX века вся Кавказская линия почти столетия, вплоть до распространения электрического телеграфа, от Черного до Каспийского моря была окаймлена цепью казачьих постов, охранявших границу, на каждом посту была сторожевая вышка, служившая для наблюдения и сигнализации) и имя фокусника «*Апфельбаум*». Если название скалы, оврага и сторожевых постов – это реалии, неизвестные читателю, то имя фокусника соотносится со способами проведения свободного времени «*водяным обществом*»: «Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь её больна, взяла для себя билет». Фокусник Апфельбаум – реальная личность. О нем есть немало упоминаний в периодической печати того времени.

Кроме курсива, в «Герое нашего времени» возникают перебои, паузы, умолчания в повествовании, отражённые графически в виде многоточий, отточий и отчерка.

Паузы, выделенные на письме многоточиями, достаточно часто встречаются в дневнике Печорина. И каждый раз они несут на себе определённую смысловую нагрузку.

Во-первых, отметим паузы, связанные с описанием Печориным природных и абстрактных явлений. В начале повести «Княжна Мери» встречаем одну из таких пауз, которая подчёр-

кивает бесконечность, простор окружающего мира, тем самым символизируя необъятность души, внутреннего мира главного героя: «<...> а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом...».

Можно выделить смысловые паузы, свойственные печоринской речи в моменты недоговорённости, умолчания: «Однако пора. Пойду к Елисаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается всё водяное общество...»; «Они пьют – однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом...». Следует отметить, что словосочетание «водяное общество» выделено ещё и курсивом, что придает ему дополнительные смыслы.

Высказывание: «Это секрет... на бале вы сами догадаетесь» также содержит скрытый подтекст. Пауза акцентирует тайну, сознательная недоговорённость должна привлечь внимание княжны. Но героиня уже утратила интерес к Грушницкому, которого касается этот разговор. Он лишился в ее глазах ореола романтического страдальца. Печорину же нужно довести затеянную интригу до конца, поэтому он провоцирует княжну, пытается «подогреть» ее интерес к будущему событию.

Сюда же отнесём и наблюдения Печорина над княжной Мери: «Я люблю эти глаза без блеска, они так мягки, они будто бы глядят... Впрочем, кажется, в её лице только и есть хорошего...». Рассуждая о Мери, Печорин многого не договаривает, чтобы позлить Грушницкого, возбудить в нём негодование: «Впрочем, очень понятно, ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на подстреленную ногу...». Разворачивается аналогичная ситуация: после интонационной паузы следует провокационное высказывание, мысль развивается таким образом, что «злит» собеседника, в результате в отношениях героев возникает напряжение, намечается скрытое психологическое противостояние. Такие комментарии Печорина, как: «Он просиял, как солнце...» и «Желаю тебе проиграться...», подтверждают все предыдущие догадки и намёки.

Паузы также свойственны монологам Печорина, когда он рефлектирует, задаётся вопросами, пытаясь понять себя: «Чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления?..»; «Судьба ли нас свела на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?..»; «Упрёк!.. скучно! Но я его заслужил...»; «Мы расстались...», «Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!»; «Я сидел у

окна, когда услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое?»; «Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?..», «Пробегаю в памяти всё моё прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?..».

Отточия (ряд точек на месте пропуска в тексте) в «Княжне Мери» помогают переключиться с события на чувство, с внешнего на внутреннее, отточие является графическим эквивалентом напряжённого состояния, которое требует разрядки. М.Ю. Лермонтов систематически употреблял отточия в две, три, четыре, пять, шесть, семь или даже восемь точек [4, с. 52]. Они своеобразно членят повесть на композиционные, смысловые отрезки и поэтому значимы как для понимания духовного состояния Печорина, так и для общей структуры дневниковых записей. Всего таких случаев в «Княжне Мери» пять. Первый мы встречаем после небольшой печоринской зарисовки Пятигорска, упоминания о «водяном обществе» и желания Печорина пойти к «Елисаветинскому источнику». Этот пропуск является своеобразной экспозицией, так как уже здесь Печорин показывает своё нестандартное мышление: «Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка; солнце ярко, небо синее – чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сожаления?..» После такой экспозиции идёт описание событий, но потом они снова прервутся подобным же образом. Второе отточие относится к моменту размышления Печорина о том, как он будет наслаждаться, когда Грушницкий выберет его в свои поверенные. Далее рассказ полностью меняет тональность, так как следует встреча Печорина и Веры у колодца. Третье отточие завершает мысли главного героя о том, что он заносит в дневник, о «драгоценных воспоминаниях». Эти отточия характеризуют особое состояние Печорина, когда он размышляет, анализирует себя, пытается даже предсказать будущее, посмотреть на ситуацию в перспективе, со стороны. Четвёртое, двойное отточие встречается снова после свидания Веры и Печорина. Но здесь цель пропуска иная, нежели в предыдущих случаях: герой не в состоянии описать те чувства, которые он испытывал в том момент, не может выразить их словами на бумаге, поэтому двойное отточие в скрытой форме показывает всё «невыразимое» для героя.

Самый большой пробел – пятое отточие – в дневниковых записях связан с описанием событий дуэли: «Два часа ночи... Не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала.

Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся...мы поменяемся ролями: теперь мне придётся отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов?». Здесь как бы непосредственно зафиксирован сам процесс переживания, это уже не взгляд из настоящего в прошлое, а «прямая передача» переживаемого в данный момент. Поэтому иным становится и психологический рисунок: он предстаёт неупорядоченным, мысли сменяют друг друга отрывочно, возникают паузы, обозначаемые многоточиями. Возрастают живость, непосредственность в передаче внутреннего состояния, оно становится естественнее, психологически достовернее, в дневниковые записи вливается свежесть видения жизни.

Печорин фиксирует свои чувства и мысли непосредственно накануне поединка. О том, как прошла дуэль и что последовало за ней, рассказывается спустя полтора месяца: «Вот уже полтора месяца, как я в крепости N <...> Скучно!.. Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями». Можно сделать предположение, что эта пауза в произведении, графически обозначенная как отчерк (отделение предыдущего абзаца от последующего чертой), имеет прямое отношение к психологическому состоянию героя. Полуторамесячное молчание Печорина становится выражением переживания развязки дуэли, во время которой погибает Грушницкий.

В повести «Княжна Мери» графические особенности становятся знаковыми. Структура повествования в дневнике видоизменяется, описание событий и чувств главного героя углубляется. Курсивные записи помогают поставить акценты на самое значимое, существенное, намеренно подчеркнуть недосказанность, неназванность, неопределённость, посмотреть на произведение в ином ракурсе. Многоточия, отточия, отчерки, свидетельствующие о паузах, умолчаниях, недоговорённостях, устанавливают связи между отдельными подневными записями, наиболее чётко и полно отображают психологическое состояние автора дневника. В результате дневниковые записи выглядят реалистичнее, жизнеподобное и естественное выступают на первый план.

Список литературы

1. Афанасьева Э.М. Образ читателя и феномен чтения в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 41. С. 35–45.
2. Борисова И.М. Курсив в прозе А.П. Чехова // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 4–9.
3. Борисова И.М. Курсив и «чужое слово» в стихотворных произведениях Н.А. Некрасова // Вестник ОГУ. 2005. № 2. С. 80–83.
4. Рейсер С.А. Основы текстологии: Учеб. пособие для студентов педагогических институтов. Л.: Просвещение. 1978. 176 с.
5. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. М.: Изд-во АН СССР Институт языкознания. 1955. 398 с.

GRAPHICAL PECULIARITIES OF THE STORY «PRINCESS MARY» IN M. LERMONTOV'S NOVEL «A HERO OF OUR TIME»

S.S. Nikolaicheva

The author considers some graphical peculiarities of Pechorin's diary, the originality of graphical signs included by M. Lermontov in the story «Princess Mary», and the functions and role of italics, ellipsis points, dot leaders, marks.

Keywords: Lermontov, Pechorin, graphical peculiarities, italics, ellipsis points, dot leaders, marks.